

МЫСЛИ ВЕЛИКИХ

НАПОЛЕОН I
БОНАПАРТ

МЫСЛИ
УЗНИКА
СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Наполеон Бонапарт

Мысли узника святой Елены

Серия «Мысли великих»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64026346

Мысли узника святой Елены / Наполеон I Бонапарт.: Родина; Москва;

2021

ISBN 978-5-00180-039-2

Аннотация

Великий французский император и полководец родился на острове Корсика, который принадлежал Генуэзской республике. В 1768 году Генуэзцы отдали Корсику Франции за долги, однако сами корсиканцы подняли восстание против этого и смирились с новым гражданством только после поражения от французской армии. Всего за несколько лет великому корсиканцу удалось покорить почти всю Европу. При этом он помог завоеванным государствам встать на путь демократии, а также подарил своим потомкам возможность править обновленной и расширенной империей.

В предлагаемое издание вошли воспоминания великого полководца о проведенных военных кампаниях, а также рукопись полководца, которая была найдена среди бумаг графа Лас Каза, добровольно последовавшего за Наполеоном Бонапартом в изгнание на остров Святой Елены.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Кампании в Египте и Сирии (1798–1799 гг.)	7
Глава I	7
Глава II	37
Глава III	61
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Наполеон I Бонапарт

Мысли узника святой Елены

© ООО «Издательство Родина», 2021

Кампании в Египте и Сирии (1798–1799 гг.)

*Великие карьеры, великие достижения
рождаются из встречи характера, гения и удачи.
Наполеон I Бонапарт*

Глава I Мальта

I. План войны с Англией в кампанию 1798 года. – II. Подготовка и состав Восточной армии. – III. Отплытие флота из Тулона (19 мая). – Об острове Мальта и об ордене святого Иоанна Иерусалимского. – V. Средства обороны Мальты. – VI. Колебания великого магистра и его совета. – VII. Военные действия; бои; перемирие (11 июня). – VIII. Переговоры и капитуляция (12 июня). – IX. Вступление армии в столицу Мальты; организация управления Мальтой. – X. Отплытие с острова (19 июня).

I. Договор в Кампо-Формио восстановил мир на материке. Германский император был удовлетворен условиями, которые ему предоставили. Франция вновь вступила во владение

наследством галлов. Она отвоевала свои естественные границы. Первая коалиция, грозившая задушить республику в колыбели, была побеждена и распалась. Только Англия оставалась вооруженной. Она воспользовалась бедами, постигшими материк, чтобы завладеть обеими Индиями и установить свою тиранию на морях. Директория прекратила переговоры в Лилле, будучи уверенной, что восстановить равновесие в Индиях и свободу морей можно лишь путем удачной кампании на морях и в колониях.

На 1798-й год намечалось несколько планов кампании. Говорилось о высадке десанта в Англии с помощью плоскодонных судов, прикрываемых совместными действиями французской и испанской эскадр, но для подготовки требовалась сотня миллионов, на которую при тогдашнем расстройстве финансов нельзя было рассчитывать. К тому же вторжение в Англию требовало использования основных сил Франции, что явилось бы преждевременным вследствие состояния возбуждения, в котором находился еще материк. Правительство приняло следующий план: держать в лагерях на побережье Ла Манша 150 000 человек, которые станут угрожать Англии неминуемым вторжением, но на самом деле будут готовы в случае надобности выступить к Рейну; в то же время две небольшие армии численностью в 30 000 человек каждая будут действовать наступательно. Одна из них, взятая на корабли брестской эскадры, высадится в Ирландии, где ее ожидают 100 000 повстанцев; другая, предна-

значенная для действия на Востоке, переправится на другую сторону Средиземного моря, в котором господствовала тулонская эскадра. Это нанесет сокрушительный удар английским колониям в Индии. Типпу-сагиб, маратхи, сикхи дожидались только сигнала. Командование Восточной армией представлялось необходимым возложить на Наполеона. Египет, Сирия, Аравия, Ирак ждали такого человека. Турецкая администрация пришла в упадок. Последствия этой экспедиции могли оказаться столь же велики, как счастье и гений того, кто должен был руководить ею.

Одновременно с высадкой армии на Востоке в Константинополь должно было прибыть торжественное посольство, располагающее средствами, нужными для достижения успеха. В 1775 г. мамлюки заключили договор с английской Индийской¹ компанией. С этого момента французские торговые дома подвергались оскорблениям и всяческому унижению. По жалобе Версальского двора Порты² в 1786 г. направила против беев капудан-пашу Хасана; но со времени революции французская торговля вновь стала подвергаться преследованиям. Порта заявила, что она тут ничего не может поделать, а мамлюки – «люди жадные, безбожные и мятежные», и дала понять, что отнесется к экспедиции против Египта терпимо – так же, как отнеслась она к экспедициям против Алжира, Туниса и Триполи.

II. Английские эскадры ушли из Средиземного моря в конце 1796 г., когда неаполитанский король заключил мир.

С этого времени трехцветный флаг³ господствовал в Адриатике, в Леванте и вплоть до Гибралтарского пролива. Успешное продвижение Восточной армии зависело от того, насколько удастся сохранить в тайне подготовку к экспедиции. Наполеон в качестве главнокомандующего Английской армией объехал прежде всего лагеря на Ла Манше, делая вид, что занимается только ими, но на самом деле занимаясь по-настоящему только Восточной армией. Из городов Фландрии и Бельгии, которые он посетил, Наполеон отправлял курьеров, которые доставляли его приказы на побережье Средиземного моря. Он взял на себя руководство всей подготовкой на суше и на море. Флот, конвой, армия – все это было приведено в состояние готовности за несколько недель. Он переписывался с генералами: Каффарелли – в Тулоне; Ренье – в Марселе, Бараге д’Илье – в Генуе; Дезэ – в Чивита-Веккии; Вобуа – на Корсике. Эти пять уполномоченных им лиц заготавливали продовольствие, собирали и вооружали суда с такой энергией, что 15 апреля войска совершили посадку на корабли в пяти портах. Командующим оставалось только ждать приказ об отплытии. Состав экспедиции был следующий.

Из тринадцати линейных кораблей, входивших в состав эскадры, «Амираль» был 120-пушечный, три – 80-пушечные и девять – 74-пушечные. В их числе были «Герье» и «Конкеран», старые и плохие корабли; на них были установлены только 18-фунтовые пушки. Среди кораблей конвоя находи-

лись два венецианских 64-пушечных корабля, четыре 40-пушечных фрегата и десять корветов и посыльных судов, служивших для охраны. Вице-адмирал Брюэйс – офицер старого флота, который за год до того командовал флотом в Адриатике, считался одним из лучшим военных моряков республики. Две трети кораблей имели хороших командиров, но одной третью командовали люди, неспособные к этому. Эскадра и армия имели запас продовольствия на сто дней и воды – на сорок.

Сухопутная армия состояла из пятнадцати пехотных полубригад, семи кавалерийских полков и двадцати восьми рот – артиллеристов, рабочих, саперов, минеров, а именно: из 2-й, 4-й, 21-й, 22-й полубригад легкой пехоты; 9-й, 18-й, 19-й, 25-й, 32-й, 61-й, 69-й, 71-й, 80-й, 85-й, 88-й линейных пехотных полубригад, каждая трехбатальонного состава (в каждом батальоне по девять рот); 7-го гусарского, 22-го конно-егерского, 3-го, 14-го, 15-го, 18-го, 20-го драгунского полков; шестнадцати артиллерийских рот; восьми рот рабочих, саперов и минеров; четырех рот артиллерийского обоза. Кавалерия имела комплект седел и сбруи, но только триста лошадей; артиллерия имела боеприпасов втрое против нормы, много ядер, пороха, инструментов, осадный парк и все необходимое для обороны побережья большой протяженности, 12 000 запасных ружей, различное оборудование, упряжь на 6000 лошадей. Комиссия наук и искусств имела своих рабочих, библиотеки, типографии – французскую,

арабскую, турецкую и греческую – и переводчиков, владевших всеми этими языками. Пехоты – 24 300 человек, кавалерии – 4000, артиллерии – 3000, нестроевой состав – 1000. Всего 32 300 человек.

Генерал Бертье был начальником штаба армии. Генерал Каффарелли командовал инженерными войсками и имел в числе своих подчиненных ряд лучших офицеров этого рода оружия. Генерал Доммартен командовал артиллерией, ему были подчинены генералы Сонжис и Фотрие. Генералы Дезэ, Клебер, Мену, Ренье, Бон, Дюгуа были генерал-лейтенантами. В числе генерал-майоров называли Мюрата, Ланна, Ланюсса, Виалья, Во, Рампона, Жюно, Мармона, Даву, Фриана, Бельяра, Леклерка, Вердье, Андреосси.

Дезэ был наиболее выдающимся офицером во всей армии, энергичным, образованным, любящим славу ради славы. Он был маленького роста, обладал мало привлекательной внешностью, но умел и задумать операцию и сам провести ее во всех деталях. Он мог командовать и армией, и авангардом. Природа предназначила ему видную роль, будь то в армии или на гражданской службе. Он сумел бы управлять провинцией так же хорошо, как завоевать или оборонять ее.

Клебер был самым красивым человеком в армии. Он был ее Нестором⁴. Ему было 50 лет. Он говорил с немецким акцентом и держался немецких обычаев. Восемь лет он прослужил в австрийской армии в качестве пехотного офицера. В 1790 г. он был назначен командиром батальона доброволь-

цев на своей родине – в Эльзасе. Он отличился при осаде Майнца, вместе с гарнизоном этой крепости перешел в Вандею, где прослужил один год, участвовал в кампаниях 1794, 1795 и 1796 гг. в составе Самбро-маасской армии. Он командовал ее главной дивизией, отличился, оказал важные услуги, приобрел репутацию искусного полководца. Но его саркастический ум нажил ему врагов. Ему пришлось покинуть армию за неподчинение начальству. Его перевели на полжалованья. В 1796 и 1797 гг. он жил в Шайо. Он находился в очень стесненном положении, когда в ноябре 1797 г. Наполеон прибыл в Париж. Он бросился в его объятия. Он был принят с почетом. Директория питала к нему большое отвращение, и он платил ей тем же. В характере Клебера была какая-то беспечность, позволявшая интриганам с легкостью обманывать его. У него имелись фавориты. Он любил славу, как путь к наслаждениям. Это был человек умный, смелый, знавший военное дело, способный на великие свершения, но только тогда, когда его принуждала к тому сила обстоятельств; в подобных случаях советы, которые давали ему собственная беспечность, а также фавориты, оказывались не ко двору.

Генерал Бон происходил из Валанс, в Дофинэ. Он служил в Восточно-пиренейской армии, где получил все свои чины. Это был мужественный солдат. В ходе предшествующих кампаний он отличился в составе Итальянской армии. В Сен-жоржском сражении он командовал левым флангом

армии.

Генерал Каффарелли отличался такой энергией, которая не позволяла заметить, что у него не хватало одной ноги. Он прекрасно разбирался во всех деталях, связанных с его родом оружия. Но особенно отличался он высокими моральными качествами и глубокими административными знаниями во всех отраслях управления. Это был хороший человек, бравый солдат, верный друг, отличный гражданин. Он погиб со славою при осаде Сен-Жан-д'Акра⁵ в момент, когда произносил очень яркую речь о народном образовании. Ему было поручено руководство комиссией ученых и художников, следовавшей за армией. Эта комиссия состояла из академиков Монжа и Бертолле, Доломье, Денона; главных инженеров путей сообщения Ленэра, Жирара; математиков Фурье, Костаза, Корансеца; астрономов Нуэ, Бошана и Мэшена; натуралистов Жоффруа, Савиньи; химиков Декостильса, Шальпи и Делиля; рисовальщиков Дютертра, Редутэ; музыканта Вийото; поэта Парсевалея; архитекторов Лепэра, Протэна, Норри; наконец, в ее состав входил Контэ – глава воздухоплателей, универсальный человек, имевший вкус к искусству, знавший его и проникшийся его духом, особенно ценный в отдаленной стране, умевший все, способный воссоздать искусства Франции посреди аравийских пустынь. К этой комиссии было прикреплено человек двадцать студентов Политехнического и Горного училищ, среди которых отличились Жомар, Дюбуа старший, Ланкрэ, Шаброль, Розьер,

Кордые, Реньо и др.

III. Когда все приготовления были закончены, произошел инцидент с Бернадоттом в Вене, заставивший опасаться возобновления войны на материке. Отплытие армии было отложено на 20 дней, что поставило ее под угрозу. Тайна была раскрыта, и в Лондоне успели узнать о всех приготовлениях, сделанных в Италии. Однако только 16 мая адмиралтейство отправило эскадру с Темзы в Средиземное море. 12 июня она подошла к Тулону. Французский флот отбыл оттуда 19 мая. Он опередил англичан на 25 дней. Он опередил бы их на 45 дней, если бы не столь глупая выходка Бернадотта.

Наполеон прибыл в Тулон 9 мая. Он сделал смотр армии. В своем приказе он объявил в основном следующее: «Солдаты вы являетесь одним из крыльев Английской армии... Римские легионы, которым вы подражали, пока еще не сравнившись с ними, сражаясь с Карфагеном попеременно на этом же море и на равнинах Замы... На вас смотрит вся Европа... Вам предстоят великие свершения... Солдаты, матросы, вы являетесь предметом самых больших забот республики... Вы покажете себя достойными армии, часть которой составляете!..»

Марсельский конвой вышел в море под охраной двух фрегатов. 15-го суда его бросили якорь на тулонском рейде. Наполеон вступил на борт «Ориана» – 120-пушечного корабля. Это был один из лучших кораблей, обладавший всеми качествами, каких можно было пожелать. 18-го с окончено-

сти Саблеттского мыса были замечены английские корабли. Это был легкий отряд Нельсона из трех кораблей. 19-го флот вышел в море. В ночь с 20-го на 21-е он обогнул Корсиканский мыс, причем попал в шторм. Генуэзский конвой присоединился назавтра, корсиканский – 26-го, на траверсе пролива Бонифачо. 2 июня с кораблей флота был замечен мыс Карбонара – оконечность Сардинии. Корвет, направленный в Кальяри, установил, что на кораблях легкого английского отряда под командованием Нельсона имелись повреждения, вследствие чего последнему пришлось стать на ремонт на Сен-Пьерском рейде. Адмирал хотел было атаковать его там, но английский бриг, преследуемый посыльным судном «Корсир», был принужден выброситься на берег Сардинии. Экипаж был взят в плен. Он сообщил, что Нельсон ожидает прибытия из Англии десяти кораблей. Флот крейсировал в море три дня в ожидании конвоя из Чивита-Веккии, который не прибыл к первому условленному месту встречи. 4-го флот снова двинулся в путь, и с кораблей был замечен остров Маретимо. 5-го одно посылочное судно сходило на Сицилию и успокоило губернатора, который был очень встревожен. Один фрегат был направлен в Неаполь, один в Тунис, один в Триполи и один – к Мессине.

Эскадра двигалась в отличнейшем порядке, тремя колоннами; две состояли из четырех кораблей, а центральная – из пяти. Капитан 1 ранга Декрэ был послан в дозор с легкой эскадрой, состоявшей из фрегатов и быстроходных корве-

тов. Конвой, охраняемый двумя венецианскими 64-пушечными кораблями, четырьмя фрегатами и большим количеством мелких судов, со своей стороны высылал дозоры во все стороны. Он имел приказ в случае нападения на флот вражеской эскадры укрыться в дружественном порту.

По всем линейным кораблям были распределены отборные войска. Три раза в день они проводили артиллерийские учения. Наполеон командовал как сухопутными, так и военно-морскими силами. Ничего не делалось иначе, как по его приказу. Он направлял движение флота.

Он часто жаловался на то, что линейные корабли держатся слишком далеко друг от друга, но никогда не вмешивался ни в какие детали, требовавшие знаний и опыта в морском деле. 3 июня, на высоте мыса Карбонара, адмирал Брюэйс представил ему на утверждение приказ, предусматривающий посылку четырех линейных кораблей и трех фрегатов навстречу конвою, вышедшему из Чивита-Веккии. Наполеон написал на полях: «Если через 24 часа после выделения этих кораблей будут замечены десять английских, у меня окажется только девять кораблей вместо тринадцати». Адмирал ничего не смог возразить.

9 июня на рассвете были замечены Гоцо и конвой из Чивита-Веккии. Таким образом, вся армия оказалась в сборе.

IV. Из семи языков, составляющих орден святого Иоанна Иерусалимского⁷, три были французскими. Не имея возможности признать существование в своих владениях орде-

на, основанного на преимуществах, даваемых происхождением, республика его упразднила, присоединила его владения к владениям других духовных орденов, а рыцарей зачислила на пенсию. В качестве ответной меры великий магистр Роан отказался принять французского поверенного в делах. Французские торговые суда допускались в его порты, только спрятав трехцветный флаг. Между республикой и орденом не было никаких дипломатических отношений. Англичан же орден принимал и оказывал им предпочтение; им предоставлялась всевозможная помощь; власти следили за укомплектованием английских эскадр и снабжением их продовольствием. Со складов великого магистра было выдано 20 тысяч фунтов пороха вице-королю Корсики Эллиоту. Но решающим для судьбы ордена явилось то, что он отдался под покровительство императора Павла – врага Франции. Был создан православный приорат, что оскорбляло римско-католическую религию и клир. Россия стремилась к господству над этим островом, имеющим столь большое значение в силу своего положения, удобства и безопасности его порта и мощи укреплений. Ища покровительства на севере, орден не принял во внимание и поставил под угрозу интересы держав юга. Наполеон решился овладеть островом, но лишь в том случае, если это удастся сделать без ущерба для достижения основной цели.

Мальта расположена в 20 лье от Сицилии и в 60 от берегов Африки. Этот остров имеет 6–7 лье в длину, 4 в ширину

и 20 в окружности. Западный и южный берега – обрывисты, но на северном и восточном – очень много бухт и прекрасных якорных стоянок. Остров Комино, имеющий в окружности 300 туазов, расположен между Мальтой и Гоцо. Гоцо имеет 4 лье в длину, 2 в ширину, 10 в окружности. Население трех островов составляло 100 000 душ. Поверхность Мальты – это скала, прикрытая 8–10 дюймами почвы. Главным произведением является хлопок – лучший в Леванте. Древней столицей Мальты является Знатный Город⁸, находящийся в центре острова. Город Ла-Валетта, основанный в 1566 г., несколько раз осаждался турками. Он располагает наилучшим портом Средиземного моря, имеет 30 тысяч жителей, красивые дома, прекрасные набережные, великолепные склады для ржи, изящные фонтаны. Укрепления отличаются большой протяженностью, построены из тесаного камня, все склады – вне пределов досягаемости бомб. Различные фортификационные сооружения, батареи и форты – многочисленны и нагромождены друг на друга. Генерал Каффарелли сказал в шутку, осматривая их на следующий день после сдачи: «Хорошо, что в них были люди, чтобы открыть нам ворота». Он намекал на множество рвов, эскарпов и контрэскарпов, которые пришлось бы преодолеть, если бы ворота остались запертыми.

В 1789 г. орден извлекал из различных стран христианского мира от 18 до 20 миллионов ренты (в том числе 7 миллионов из Франции). В XIV веке он унаследовал владения

тамплиеров. После изгнания его с Родоса Карл V уступил ему три острова – Мальту, Комино и Гоцо. Это было сделано с условием, что он⁹ станет защищать берега Испании и Италии от варварийских пиратов. Ему легко было это сделать. Он мог иметь 6–7 линейных 74-пушечных кораблей, столько же фрегатов и вдвое больше мелких судов, с тем чтобы одна треть их постоянно крейсировала перед Алжиром, Тунисом и Триполи. Он мог бы положить конец варварийскому разбою, принудив пиратов жить в мире. В этом случае орден заслужил бы благодарность всего христианского мира. Половины его доходов было бы достаточно, чтобы достигнуть этого великого и благодетельного результата. Но рыцари, по примеру других монахов, присвоили имущество, которое было им предоставлено ради общественного блага и нужд всего христианского мира. Роскошь приоров, бальи, командоров вызывала возмущение всей Европы. Монахи, по крайней мере, отправляют требы, они полезны в духовной жизни; но эти рыцари ни на что не годны, ничего не делают, не оказывают никаких услуг. Они, однако, были обязаны высылать караваны судов. В этих целях четыре или пять галер ежегодно совершали прогулку по Средиземному морю, тщательно избегая при этом варварийских пиратов, и посещали порты Италии, Испании или Франции, где им устраивалась торжественная встреча. Они были правы; их суда не были способны принять бой с алжирскими фрегатами. Варварийские пираты безнаказанно нападали на Сицилию, Сардинию

и берега Италии. Они опустошали побережье в районе, расположенном по прямой линии от Рима. Орден сделался бесполезным. Когда орден тамплиеров, созданный для охраны Иерусалимского храма и сопровождения паломников на дорогах, ведущих от Антиохии, Птолемаиды и Яффы к гробу Господню, был переведен в Европу, существование его стало бесцельным, он пал и должен был пасть.

V. За несколько месяцев до описываемых событий великий магистр Гомпеш унаследовал сан великого магистра Рона. Это был человек пожилой, больной, нерешительный. Бальи, командоры, сенешалы, должностные лица ордена были старики, не участвовавшие в войнах, холостяки, прошедшие жизнь в самом приятном обществе. Очутившись на Мальте, как в ссылке, они желали умереть у себя на родине. Их не вдохновлял ни один из мотивов, в силу которых люди пренебрегают большими опасностями. Кто мог заставить их рисковать жизнью ради сохранения бесплодной скалы посреди моря? Религиозные чувства? Они были мало религиозны. Сознание собственной полезности? То гордое чувство, которое побуждает человека идти на жертвы, потому что он защищает родину и себе подобных? Они ничего не делали и никому не приносили пользы. Мальта располагала для своей обороны 800 или 900 рыцарей, мало пригодных к военным действиям и разобщенных между собой, подобно тому как были разобщены обычаи и интересы наций, к которым они принадлежали; 1500–1800 плохих солдат – итальянцев, нем-

цев, французов, испанцев, большей частью дезертиров или авантюристов, которые с тайной радостью отнеслись к возможности соединить свои судьбы с судьбой самого знаменитого полководца Европы; и 800–900 ополченцев. Эти ополченцы, гордые, как и все островитяне, давно уже чувствовали себя оскорбленными наглостью и высокомерием рыцарей-дворян. Они жаловались на то, что являются у себя на родине иностранцами, не допускаемыми к занятию почетных и доходных должностей. У них не было привязанности к ордену. Они видели во французах защитников своих прав. К тому же самая организация ополчения находилась в небрежении, ибо орден давно уже не опасался вторжения турок и, напротив, боялся установления гегемонии коренных жителей. Если фортификационные сооружения и материальные средства обороны были обширны, то моральный фактор сводил их к нулю. Капитуляция Мантуи, почетные условия, предложенные Вурмзеру, представлялись умственному взору всех и каждого. Если уже настал час капитуляции, то предпочитали сдаться воину, который внушил высокое представление о своем великодушии. Город на Мальте не мог, не хотел и не должен был защищаться. Он не смог бы выдержать суточной бомбардировки. Уверившись в том, что он может смечь, Наполеон осмелился!!!

VI. 8 июня, когда конвой из Чивита-Веккии появился перед Гоцо, великий магистр, предчувствуя опасности, угрожавшие ордену, собрал Большой совет, чтобы обсудить столь

важные обстоятельства. «Французская эскадра сосредоточивается в пределах видимости с наших берегов. Если она потребует разрешения на вход в порт, на что нам решиться?» Мнения разделились. Одни думали, «что необходимо дать сигнал тревоги, загородить цепью вход в порт, взяться за оружие, объявить остров на военном положении; такая подготовка произведет впечатление на французского главнокомандующего; необходимо в то же время не пренебрегать ничем из того, что может завоевать ордену расположение главнокомандующего и важнейших его офицеров; это единственный способ отвести от себя грозу». Другие, напротив, говорили, «что назначение ордена – вести войну с турками, что они не должны выказывать какого-либо недоверия при приближении христианского флота; что дать при виде его сигнал тревоги, который обычно давался лишь при виде Полумесяца¹⁰, значит вызвать и навлечь на город ту самую грозу, которую хотели от себя отвести; французский главнокомандующий, возможно, не имеет никаких враждебных намерений, если мы не выкажем ему никакого недоверия, он, может быть, пойдет своим путем, не тревожа нас!!» Пока продолжалась эта дискуссия, подошел весь флот. 9-го в полдень он появился у входа в порт, на расстоянии пушечного выстрела. Французский адъютант потребовал разрешения на вход, чтобы можно было запастись водой. Члены совета, считавшие, что нужно обороняться, снова стали с жаром доказывать, «насколько неосторожно будет отдаться связанными

по рукам и ногам на милость иностранной армии, намерения которой неизвестны; хуже этого ничего произойти не может; сдаться на милость победителя никогда не поздно; с республикой нет никаких дипломатических отношений; неизвестно даже, находятся ли с ней в состоянии мира или войны; и, наконец, если нужно погибнуть, то лучше сделать это с оружием в руках, а не в результате собственной трусости». Противная партия доказывала, что будет крайне неосторожно провоцировать эту грозную армию, которая находится уже на расстоянии пушечного выстрела; что через несколько часов после начала военных действий она овладеет сельскими местностями Мальты и Гоцо; что тогда не останется другого выхода, как запереть ворота столицы, и что, будучи блокирована с суши и с моря, последняя не сможет обороняться из-за недостатка продовольствия; что рожь, правда, имеется, но зато отсутствуют все другие продукты питания; что французам не понадобится и суток, чтобы соорудить несколько мортирных батарей и начать бомбардировку крепости с суши и с моря; что тогда придется ожидать восстания ополченцев, которые, будучи и без того плохо настроены, не останутся безучастными свидетелями сожжения их домашних очагов; что военные действия покажут чрезвычайную слабость ордена и тогда будет потеряно все; а между тем имеется возможность, раз уж это абсолютно необходимо, вести переговоры с выгодой для себя и поставить условия, почетные для ордена и выгодные для отдельных лиц!!

Дискуссия была оживленной. Большинство Совета высказалось за применение оружия. Великий магистр велел призвать господина Каруссона, одного из коммерсантов города, который вел дела французов. Он поручил ему сообщить волю Совета главнокомандующему. В то же время он дал сигнал тревоги. Ворота заперли, зажгли печи для каления ядер, распределили обязанности между командирами. Все ополченцы взялись за оружие и отправились на батареи. Командор Буаредон де Рансюэ, принадлежавший к овернскому «языку», протестовал против этих мер. Он заявил, что, будучи французом, никогда не поднимет оружие против Франции. Несколько рыцарей присоединились к его мнению. Их арестовали и отправили в тюрьму. Князь Камилл де Роан взял на себя командование ополчением острова, имея в качестве подчиненного бальи де Ключи. Командор де Месгриньи отправился на остров Гоцо, рыцарь Вален – на остров Комино. Рыцари распределились по батареям и башням, окружавшим остров. Весь день и всю ночь царило крайнее возбуждение.

9-го, в 10 часов вечера, господин Каруссон сообщил главнокомандующему о своей миссии. Он получил приказ ответить великому магистру следующими словами: «Главнокомандующий возмущен тем, что вы не желаете разрешить набирать воду более чем четырем кораблям одновременно; действительно, сколько времени понадобится 400–500 судам для того, чтобы получить подобным способом воду и все

остальное, в чем они сильно нуждаются? Этот отказ тем более удивил главнокомандующего, что ему известно, какое предпочтение оказывается англичанам и какую декларацию обнародовал ваш предшественник. Главнокомандующий решил взять силой то, что должны были ему предоставить, руководствуясь законами гостеприимства, которые являются основой вашего ордена; я видел, сколь значительны подчиненные ему силы, и предвижу, что остров не сможет обороняться... Главнокомандующий не пожелал, чтобы я вернулся в город, который он считает себя обязанным рассматривать впредь как вражеский... Он отдал приказ о том, чтобы религия, обычаи и собственность мальтийцев уважались».

Одновременно корабль «Ориан» дал сигнал к бою. Генерал Ренье двинулся в путь с марсельским конвоем, чтобы с рассветом высадиться на острове Гоцо. Генерал Дезэ с конвоем из Чивита-Веккии под прикрытием кораблей контр-адмирала Бланке-Дюшайла бросил якорь в бухте Марса-Сирокко. Генуэзский конвой бросил якорь в бухте св. Павла.

На Мальте всю ночь с величайшим нетерпением ожидали возвращения консула. Когда стало известно, что он остался на борту корабля и военные действия начались, всех охватили растерянность и недовольство. Одно чувство владело всеми – сознание невозможности и опасности обороны.

VII. 10-го на рассвете «Ориан» дал сигнал высадки. Наполеон высадился с 3000 человек между городом и бухтой св. Павла, капитан 2 ранга Мютар командовал десантными

шлюпами. Как только они подошли на расстояние выстрела к башням и батареям, последние открыли огонь. На него отвечало несколько канонерок, вооруженных 24-фунтовыми пушками. Шлюпы продолжали движение вперед в отличнейшем порядке. Море было спокойным, что являлось необходимым, так как высадка производилась на скалы. Вражеская пехота противодействовала десанту. Вступили в действие стрелки. За один час батареи и башни были взяты и противник прогнан из города. Генерал Барагэ-д'Илье овладел бухтами св. Павла и Мальты. Преодолев слабое сопротивление, он захватил батареи, башни и всю южную часть острова; он взял 150 пленных и потерял убитыми трех человек. Генерал Дезэ высадил 21-ю легкую полубригаду во главе с генералом Бельяром. Он захватил все батареи Марса-Сироко. К полудню Мальта¹¹ была окружена со всех сторон. Французские войска находились под ее грозными стенами, на расстоянии половины пушечного выстрела. Крепость вела огонь по тем стрелкам, которые подходили слишком близко. Генерал Вобуа направился к Знатному Городу, имеющему крепостную ограду, и овладел им, не встретив сопротивления. Генерал Ренье овладел всем островом Гоцо, который защищали 2500 человек, большей частью коренные жители, и взял в плен всех оборонявших его рыцарей. В час дня шлюпы приступили к выгрузке двенадцати орудий и всего необходимого для оборудования трех платформ для мортир; в операции участвовали также шесть бомбард и двенадцать канонерок,

вооруженных 24-фунтовыми пушками. Несколько фрегатов подошли к порту, 11-го вечером город можно было бомбардировать 24 мортирами, одновременно с пяти направлений. Главнокомандующий в сопровождении генерала инженерных войск Каффарелли осмотрел расположение батарей, которое тут же приказал вычертить. Между четырьмя и пятью часами осажденные сделали вылазку. Адьютант Мармон отбросил их, взяв несколько пленных. По этому случаю он был произведен в бригадные генералы. В семь часов вечера, незадолго до наступления темноты, показалась большая толпа жителей, желавших выйти из города. Это было предусмотрено, и им отказали в пропуске. Когда раздались пушечные выстрелы, возвещавшие тревогу, большая часть жителей острова со своими семьями и скотом поспешила укрыться за стенами столицы, что еще увеличило беспорядок. Главнокомандующий вечером вернулся на «Ориан». Час спустя он получил следующее письмо от батавского консула:

«Великий магистр и его Совет поручили мне указать вам, гражданин генерал, что, запретив вам вход в порты... они желали лишь узнать, какого рода отступлений от обязательств, которые налагает на них нейтралитет, вы добивались... Поэтому великий магистр и его Совет просят, чтобы вы прекратили военные действия и сообщили, каковы ваши намерения, которые, конечно, находятся в соответствии с великодушием французской нации и хорошо известным характером знаменитого полководца, который ее представляет».

Генерал Жюно, его¹² старший адъютант, немедленно отправился на Мальту и в два часа утра подписал следующее соглашение о перемирии: «Объявляется сроком на 24 часа, считая с 6 часов вечера сего 11 июня 1798 г. и до 6 часов вечера завтрашнего, 12-го дня того же месяца, перемирие между армией Французской республики под командованием генерала Бонапарта, представителем коего является бригадный генерал Жюно, старший адъютант названного главнокомандующего, и великим магистром ордена святого Иоанна Иерусалимского.

Подписано: Жюно, Гомпеш».

VIII. 11-го на рассвете представители великого магистра явились на борт «Ориана» с полномочиями, необходимыми для заключения соглашения о сдаче крепости. Во главе их находился командор Буаредон де Рансюэ, которого освободили из тюрьмы, после чего народ нес его на руках как триумфатора и он был принят великим магистром. 10-го в течение всего дня смута в городе все усиливалась. При получении каждого нового известия о взятии батарей и башен и об успехах осаждающих жители устраивали беспорядки. Подготовка к бомбардировке возбуждала недовольство ополченцев. Несколько рыцарей было убито на улицах, и ненависть, которая давно зрела в сердцах жителей, неудержимо прорвалась наружу. Те члены Совета, которые особенно энергично призывали к сопротивлению, теперь всего более добились покровительства французского главнокомандующе-

го, ибо именно они являлись прежде всего мишенью для народного возмущения. Акт о капитуляции был подписан на борту «Ориана» 12 июня, в 2 часа утра.

Статья 1. Рыцари ордена святого Иоанна Иерусалимского передадут французской армии город и форты Мальты. Они отказываются в пользу Французской республики от прав суверенитета и собственности, как в отношении этого города, так и в отношении островов Мальта, Гоцо и Комино.

Статья 2. Республика употребит свое влияние на Раштадтском конгрессе, чтобы обеспечить великому магистру пожизненное владение княжеством, равноценным тому, которое он теряет, а в ожидании этого станет выплачивать ему пенсию в 300 000 франков. Кроме того, ему будет выдана сумма, равная этой пенсии за два года, в качестве возмещения за его движимое имущество. В течение того времени, пока он останется на Мальте, ему будут оказываться те же воинские почести, что и прежде.

Статья 3. Рыцари ордена святого Иоанна Иерусалимского, являющиеся французами и находящиеся в данный момент на Мальте, чей статус будет определен главнокомандующим, смогут вернуться на родину; пребывание их на Мальте будет им зачтено как пребывание во Франции.

Французская республика сделает Цизальпинской, Лигурийской, Римской и Гельветической республикам представления об объяснении настоящей статьи общей для рыцарей этих наций.

Статья 4. Французская республика сделает другим державам Европы представления о сохранении за рыцарями соответствующих наций их прав на собственность Мальтийского ордена в этих государствах.

Статья 5. Рыцари сохраняют свое имущество на островах Мальта и Гоцо, на правах частной собственности.

Статья 6. Жители островов Мальта и Гоцо, как и в прошлом, будут свободно исполнять обряды римско-католической, апостольской веры; они сохраняют привилегии, которыми пользуются; не будет наложено никакой контрибуции.

Статья 7. Все гражданские законы, введенные при управлении Ордена, сохраняют свою силу и будут соблюдаться».

Во исполнение статей, подписанных 12 июня (24 прерияля) представителями Французской республики и Мальтийского ордена, была достигнута договоренность о следующем:

«Статья I. Сегодня, 12 июня, форт Манозель, форт Тиньи, замок святого Ангела, укрепления Бормолье, Коттонары и города Побед будут переданы в полдень французским войскам.

Статья II. Завтра, 13 июня, форт Риккацоли, замок св. Эльма, укрепления городов Валетты, Флорианны и всех других будут переданы в полдень французским войскам.

Статья III. Сегодня, в 10 часов утра, французские офицеры явятся к великому магистру, чтобы получить у него при-

казы комендантам различных портов и укреплений, которые должны быть переданы французам. Их будут сопровождать мальтийские офицеры. Офицеров будет столько, сколько будет передано фортов.

Статья IV. Такие же меры, как означенные выше, будут приняты в отношении фортов и укреплений, подлежащих передаче французам завтра, 13 июня.

Статья V. Одновременно с передачей фортификационных сооружений будет осуществлена передача артиллерии, складов и документов инженерных войск.

Статья VI. Находящиеся на острове войска Мальтийского ордена смогут оставаться в занимаемых ими казармах впредь до иного распоряжения.

Статья VII. Адмирал, командующий французским флотом, назначит офицера, который примет сегодня корабли, галеры, суда, склады и прочее имущество военно-морского флота Мальтийского ордена».

Обнародование этого соглашения о капитуляции успокоило умы, положило конец мятежу и восстановило порядок. Наполеон написал епископу Мальты, чтобы успокоить священников, которые были сильно встревожены: «Я с подлинным удовлетворением узнал, господин епископ, о вашем хорошем поведении и приеме, оказанном вами французским войскам при вступлении их в Знатный Город. Вы можете заверить ваш клир, что римско-католическая апостольская ве-

ра не только будет уважаться, но и что священникам этой религии будет оказываться особое покровительство... Я не знаю человека более почтенного и заслуживающего уважения, чем священник, который, проникшись подлинным духом евангелия, уверен в том, что долг его требует послушания светской власти и поддержания мира, спокойствия и единения среди своей паствы... Я желаю, господин епископ, чтобы вы тотчас же явились в город Ла-Валетта и своим влиянием поддержали порядок и спокойствие среди народа. Я сам отправлюсь туда сегодня вечером. Сразу же по прибытии моем в город вы представите мне всех священников и руководителей монашеских орденов... Будьте уверены, господин епископ, в моем желании дать вам доказательства уважения и почтения, которые я питаю к вашей особе».

IX. 12-го, в 8 часов утра, порты и форты Мальты были переданы французским войскам. Было объявлено, что назавтра прибудет главнокомандующий. Но в час пополудни он высадился инкогнито, обошел крепостные стены, побывал во всех фортах и явился с визитом к великому магистру, чем сильно его озадачил. 13-го на рассвете эскадра вошла в порт. Это было великолепное зрелище. Триста судов встали на якорь без всякого беспорядка. В этом прекрасном порту могло разместиться втрое большее число судов. Склады Мальты были заполнены. На рейде стоял 64-пушечный линейный корабль ордена и еще один находился на стапелях. Чтобы увеличить количество легких судов флота, адмирал

забрал две полугалеры и две шебеки. Он взял на эти суда матросов, служивших ордену. Триста турок, находившихся в качестве невольников на каторге, приодели и распределили по линейным кораблям. За армией последовал легион, составленный из батальонов, названных мальтийскими. Он был сформирован из солдат, служивших ордену. На службу¹³ поступили также гренадеры гвардии великого магистра и несколько рыцарей. Некоторые жители, говорившие по-арабски, пожелали быть прикомандированными к генералам и различным учреждениям.

Три роты ветеранов, составленные из всех старых солдат ордена, были отправлены на Корфу и на Корсику. В крепости имелось 1200 пушек, 40 000 ружей, 1 миллион фунтов пороха. Начальник артиллерии велел погрузить на суда все, что он счел нужным для пополнения и укомплектования материальной части. Эскадра запаслась водой и продовольствием. Склады ржи были очень велики, их содержимого хватило бы городу на три года. Фрегат «Сансибль» отвез во Францию трофеи и несколько редкостей, которые главнокомандующий отправил правительству. Генерал Барагэ д'Илье, который в силу непостоянства своего характера пожелал вернуться в Париж, получил разрешение на отъезд, причем ему было поручено доставить штандарт ордена. Все мальтийские рыцари – французы и итальянцы – получили паспорта для въезда во Францию и в Италию. По условиям капитуляции все остальные эвакуировались с острова. К 18 июня на Маль-

те не оставалось больше ни одного рыцаря. Великий магистр 17-го отплыл в Триест. Найденная в казнохранилище серебряная посуда стоимостью в миллион была по прибытии в Каир перечеканена в монету.

Генерал Вобуа с 4000 человек гарнизона был оставлен комендантом острова. Чтобы оборонять последний, нужно было иметь 8000. Генерал Бертье приказал послать туда 6000 человек из запасных частей, находившихся в Тулоне, направил туда же 1000 человек с Корсики, 1500 из Чивита-Веккии и 1500 из Генуи. Чтобы полностью снабдить гарнизон, не хватало соленого мяса и медикаментов. Он сообщил об этом военно-морским властям в Тулоне. Наполеон дал почувствовать Директории необходимость переправить на Мальту эти подкрепления, а также все, чего не хватало гарнизону, дабы обеспечить нормальное несение службы в этой важной крепости. 8000 человек могли бы удержать господство над островом и оказались бы тогда в состоянии получать пополнения. Море оставалось свободным в течение июня, июля, августа, сентября. Но Директория, как обычно, ничего не сделала. Вобуа был предоставлен самому себе.

Х. Завоевание Мальты вызвало во Франции взрыв энтузиазма, а в Европе – большое удивление. Армия была ослаблена на 4000 человек, но пополнила свой состав 2000 человек мальтийского легиона. 19 июня, как раз через месяц после того, как он покинул тулонский рейд, флагман дал сигнал к отплытию. Взятие Мальты замедлило движение армии толь-

ко на шесть дней. Стало известно, что курс будет взят сначала на Кандию. Мнения относительно последующего назначения разделились. Собираются ли возвысить снова Афины или Спарту? Будет ли трехцветное знамя водружено на серале¹⁴ или же на пирамидах и развалинах древних Фив? Или же из Алеппо направятся в Индию???

Эти сомнения перекликались с сомнениями Нельсона.

Глава II

Описание Египта¹⁵

I. Египет. – II. Пустыни Египта. – III. Население древнее и современное; человеческие расы: копты, арабы, мамлюки, османы, сирийцы, греки и др. – IV. Распределение собственности, финансы. – V. Чем стал бы Египет под властью Франции. – VI. Поход на Индию.

I. Египет составляет часть Африки. Расположенный в центре Старого Света, между Средиземным морем и Индийским океаном, он является естественным складочным местом для торговли с Индией. Это обширный базис, окруженный со всех сторон пустыней и морем. Занимая пространство между 24° и 32° северной широты и 26° и 32° восточной долготы (от Парижа), он окаймлен с севера Средиземным морем, с запада – Ливийской пустыней, с юга – Нубийской, с востока – Красным морем и Суэцким перешейком, отделяющим его от Сирии. Для защиты своих границ Египет не нуждается в крепостях. Их заменяют ему пустыни. На него можно напасть только с моря или через Суэцкий перешеек.

В Египте редко идет дождь – на побережье все же чаще, чем в Каире, а в Каире – чаще, чем в Верхнем Египте. В 1798 г. в Каире однажды шел дождь в течение получаса. Роса

выпадает очень обильная. Зимой температура опускается в Нижнем Египте до плюс два градуса по Реомюру, а в Верхнем повышается до плюс десяти градусов. Летом она достигает 26–28 градусов в Нижнем Египте и 35–36 градусов в Верхнем. Стоячие воды, болота не испускают никаких нездоровых испарений, не порождают никаких болезней, что объясняется исключительной сухостью воздуха. Мясо, выставленное на солнце, скорее высушивается, чем загнивает. На протяжении июня, июля и августа дуют постоянные ветры с севера и северо-запада. В эти месяцы суда затрачивают от десяти до двенадцати дней на переход из Марселя в Александрию, 60–70 – на переход от Суэца в Индию. В январе, феврале и марте господствуют юго-восточные ветры. Это время возвращения из Индии и переходов из Александрии в Европу. Хамсин – восточный или южный ветер. Это местный сирокко. Повсюду он неприятен и утомителен; в некоторых частях пустыни он опасен, он вредит урожаю и произведениям земледелия.

Египет – одна из самых прекрасных и плодородных, а также наиболее интересных стран мира. Это колыбель наук и искусств. Там встречаешь самые большие и самые древние памятники, созданные руками человека. Если бы у нас был ключ к иероглифам, которыми они покрыты, то мы узнали бы неизвестные сейчас вещи относительно первого периода развития общества. Египет состоит: 1) из Нильской долины; 2) из трех оазисов; 3) из шести пустынь. Нильская долина –

единственная его часть, представляющая ценность. Если бы Нил был отведен в Красное море или в Ливию до Сиенского катаракта¹⁶, Египет стал бы всего лишь необитаемой пустыней, ибо эта река заменяет ему дождь и снег. Нил – бог этих мест, их добрый дух и регулятор всех отраслей производственной деятельности; это – Озирис, подобно тому, как Тифон – это пустыня...

II. Египетские арабы это земледельцы, бедуины¹⁷ или марабуты¹⁸. Земледелец живет в предоставленных ему или купленных им деревнях; но и здесь он длительное время остается диким. В этих деревнях не видно мечетей, порядочных домов, они состоят из одинаковых хижин, без деревьев. Все там напоминает о пустыне и свирепом характере бедуина. Мужчины – воинственны. Они разводят лошадей. Они непокорны, неохотно переносят иго власти, нелегко выплачивают дань, иногда дерутся с арабами-бедуинами. Они считают себя представителями высшей породы по сравнению с другими феллахами¹⁹, которых они нередко обижают. Впрочем, они предприимчивы и трудолюбивы. Мамлюки никогда не живут среди них. По мнению арабов, будь то землевладельцев или бедуинов, феллахи являются их подданными, а мамлюки и турки – узурпаторами.

Арабы-марабуты не вооружены, не имеют лошадей, обязаны принимать у себя бедуинов и заботиться об их нуждах. Кочевые племена или бедуины почти все в той или иной ме-

ре занимаются земледелием; но они всегда живут в палатках, никогда не располагаются в домах или хижинах, часто меняют свое местонахождение и кочуют из конца в конец принадлежащей им пустыни, чтобы обеспечить стойбищем своих верблюдов и пользоваться водою из колодцев.

Арабы-бедуины – самая большая язва Египта. Из этого не следует, что их надо уничтожить; напротив, они необходимы. Без них эта прекрасная страна не смогла бы поддерживать никаких связей с Сирией, Аравией, оазисами, королевствами: Сеннар, Дарфур, Абиссиния, Триполи, а также Феццан. Без них перевозка грузов с Нила к Красному морю, из Кены в Косейр, из Каира в Суэц стала бы невозможной. Убыток, который понесла бы страна от их уничтожения, был бы весьма значителен. Бедуины держат большое количество верблюдов, лошадей, ослов, баранов, быков и т. д., которые составляют часть богатств Египта. Натуральная сода, египетская кассия, камедь, тростник, камыш, для добывания которых надо углубиться в пустыню на несколько дневных переходов, были бы потеряны. Уничтожить их²⁰ было бы возможно; но из внутренней части Африки и из Аравии явились бы многочисленные племена с целью захватить их страну, являющуюся предметом вожделений всех этих кочевых племен. Когда Нил вздымается и происходят сильные наводнения, как, например, в 1800 г., весть об этом передается из уст в уста, достигает Центральной Африки, и многочисленные племена проходят по 500 лье, чтобы стать лагерем в за-

топленной таким необычным наводнением пустыни, произвести посев и жить там. Племена египетских арабов противятся тому, чтобы иностранцы приходили жить в их владениях. Нередко им приходится драться. Это сопротивление сдерживает племена Великой пустыни. Уничтожить бедуинов было бы все равно, что островитянам уничтожить все корабли, потому что большое число этих последних используется пиратами. Когда Египтом управляли с твердостью и справедливостью, арабы были усмирены; каждое племя отвечало за свою часть пустыни и прилегающей к ней части границы. Это царство справедливости положило конец злоупотреблениям, и племена, подобно мелким вассалам, обеспечивали спокойствие в стране, а не нарушали его.

Подчинение арабов имеет большое значение для процветания Египта. Это предварительное условие всякого прогресса. Чтобы подчинить арабов, необходимо: 1) занять оазисы и колодцы; 2) организовать полки верблюжьей кавалерии, приучить их к пребыванию в пустыне в течение целых месяцев, без возвращения в долину; 3) создать большую администрацию и суд для рассмотрения дел, наказания и наблюдения за кочевыми племенами. Основы подобной организации были заложены в 1799 г. Сначала были приняты два образца башен. Первый – высотой в 24 фута, в два этажа, с двумя пушками на платформе, кордегардией на 40 человек гарнизона, рвом, контрэскарпом, контрэскарповой галереей, плацдармами и наружным рвом, с оградой, снабжен-

ной бойницами, каждая сторона которой должна была иметь протяжение в 200 туазов, причем заключенное в этой ограде пространство простреливалось картечью с башни. В ограде находился продовольственный склад, способный питать гарнизон в течение ста дней, и резервный склад для полка верблюжьей кавалерии с десятидневным запасом. На одном из плацдармов были предусмотрены колодцы, тщательно выложенные камнем и содержащиеся в превосходном состоянии, а также цистерна для дождевой воды. Башня второго образца имела 15 футов в высоту, один этаж, две пушки на платформе, 15 человек гарнизона, склад с продовольствием, необходимым этим 15 человекам в течение 100 дней, резервный склад для роты верблюжьей кавалерии с десятидневным запасом, один или несколько колодцев, цистерну и наружный ров, каждая сторона которого равнялась 100 туазам. В 1800–1801 гг. должно было быть построено 20 башен первого образца и 40 второго, а именно: 8 – в пустыне Бахейра, 8 – в пустыне Малого оазиса, у пирамид и Файюма; 2 – в самом этом оазисе; 10 – в пустыне Большого оазиса; 5 – в самом этом оазисе; 5 – у колодцев на дорогах в Исну и Асьют; 8 башен – в четвертой и пятой пустынях, на пяти дорогах в Косейр; 12 – в Суэцкой пустыне, независимо от фортов Суэца, Аль-Ариша и Тины. Эти башни господствовали бы над двенадцатью важнейшими источниками воды: Катия, Мансура, Зави, Рафия, оазис Тумилат, Бир-Саба и т. д. Гарнизон этих башен должен был состоять из: сержанта артиллерии и 9 канони-

ров, всего по десяти человек на одну малую башню; сержанта артиллерии, капрала и 13 канониров – всего по 15 человек на одну башню первого образца; итого: 760 канониров. Полки верблюжьей кавалерии должны были выделить по 5 человек на каждую малую башню и по 25 на каждую большую. Эти башни должны были служить опорными пунктами и защитой для такого же числа деревень, которые, находясь в сфере обстрела и за оградой, были бы гарантированы от нападений бедуинов. Крестьяне, пользующиеся такой защитой, смогли бы заниматься земледелием, пасти скот, обеспечивать продовольствием проходящие караваны и вести с ними торговлю.

Было решено создать шесть полков верблюжьей кавалерии, по одному на каждую пустыню, возложив снабжение их продовольствием и выплату жалованья на прилегающие к ним области. Каждый полк должен был состоять из 900 человек, 750 дромадеров²¹ и 250 лошадей, переносящих запас продовольствия на 50 дней. Один драмадер переносит 4 квинтала.

Каждый солдат был вооружен копьем, ружьем со штыком, имел патронташ, 100 патронов, мешок. Каждым полком должен был командовать бей – полковник, под начальством которого находились: кахья – майор, два адъютанта, четыре кашифа – капитана, четыре лейтенанта и младших лейтенанта; таким образом, на роту приходилось по три офицера и еще барабанщик, два трубача и 225 человек. Каждому полку

придавалось по две пушки, которых тащили шесть верблюдов. Следовательно, для сдерживания пустыни требовалось 5400 человек, то есть расход в 4 миллиона. Это не составляет и десятой части убытков, которые причиняют стране бесчинства бедуинов. Шестью полками должны были командовать великий шейх пустыни (дивизионный генерал), два кахья (бригадные генералы), шесть беев (полковников), двадцать четыре киашифа (подполковника), один киашиф артиллерии и один инженерных войск.

При великом шейхе пустынь должен был состоять диван²² в составе одного кахья, четырех улемов²³ и писаря, которому надлежало разбирать спорные дела, возникающие между арабами и феллахами, а также между племенами. Была создана бригада французских солдат, посаженных на 1500 дромадеров. Было сказано:

1) Племена, кочующие по шести пустыням Египта, должны будут – через посредство их шейха²⁴ и шести знатных лиц – принести присягу на верность великому шейху пустыни.

2) Племена получают фирман инвеституры²⁵, в котором будет указана территория принадлежащей им части пустыни и определено количество всадников и верблюдов, которые они должны предоставить султану Египта. Общая численность этих контингентов была установлена в 5000 всадников на лошадях и 2000 на дромадерах, а также в 700 верблюдов, по одному ездовому на трех верблюдов.

3) По смерти шейха его сан принимает наследник, который в течение трех месяцев обязан явиться к великому шейху для принесения присяги и получения фирмана; при этом ему выдается почетный ментик.

4) Один из десяти старейшин племени будет находиться вместе со своей семьей в Каире, в качестве ответственного лица и для сношений с диваном по делам пустынь. Шестеро детей в возрасте от 10 до 18 лет будут обучаться при мечети Аль-Азхар основам Корана, а также арабскому и французскому письму и счету.

5) Великий шейх пустынь придет на помощь племенам, на территорию которых вторгнутся племена великих пустынь. Всякий спор между двумя племенами будет рассматриваться диваном, а решение последнего – передаваться представителю племени, который перешлет его своему вождю, бею пустыни, для исполнения.

6) Всякий спор между племенами и феллахами рассматривается диваном. Виновниками всякого оскорбления, нанесенного в пустыне египтянам, считаются арабы соответствующего племени; всякое оскорбление, нанесенное на границе каким-либо арабом, считается нанесенным членом данного племени.

7) Сопровождение караванов путешественников в пределах каждой пустыни и предоставление верблюдов являются обязанностью племени.

Возникающие в связи с этим затруднения рассматривают-

ся диваном.

8) После рассмотрения дела диваном великий шейх при- суждает племя к уплате лошадьми, верблюдами, быками, ба- ранами штрафа, соответствующего тарифу, установленному за убийство или нанесение раны. Убытки феллахов возме- щаются племенем, которое, кроме того, приговаривается к штрафу в порядке наказания и взыскания издержек.

9) В случае убийства или ранения улема, мультазима²⁶, имама²⁷, шейх-аль-беледа²⁸ или европейца племя обязано выдать дивану преступника, либо вместо него – одного из 50 старейшин племени, который доставляется в диван и приго- варивается к смерти, наказанию палками или тюрьме, в за- висимости от тяжести проступка, совершенного членом пле- мени.

10) Когда племя проявляет непослушание, оно объявля- ется на подозрении. Заявление об этом делается представи- телю племени, который доводит о нем до сведения своего вождя, и месяц спустя племя обязано выдать в качестве за- ложников 12 старейшин. Если оно объявляется мятежным, этот приговор направляется всем беям и на все башни; ему закрывается доступ к воде и пастбищам; колонны дромаде- ров преследуют его и уничтожают. Его часть пустыни пере- дается другому племени.

11) Арабам воспрещается иметь пушки, ружья со штыка- ми, крепостные ружья, возводить какие бы то ни было укреп- ления, проделывать бойницы в стенах помещений духовных

братств и домов.

12) Каждый год великий шейх будет лично объезжать различные пустыни, либо поручать это своим кахья. Великий шейх и бей пустыни будут заботиться о снабжении башен и других фортов, регулярно направляя туда караваны, сопровождаемые отрядами верблюжьей кавалерии. Караваны паломников, а также торговые с момента вступления в пустыни Египта будут сопровождаться отрядами полка верблюжьей кавалерии, платя за эскорт по установленному тарифу.

III. Поверхность Египта составляет 45 000 квадратных лье, из них менее 4000 приходится на долину Нила, 400 на три оазиса и 40 000 – на пустыни. Долина Нила имеет население в три миллиона жителей; население пустынь и оазисов – от 160 000 до 200 000. Историк Иосиф²⁹ определил население Египта в 7 500 000, Амру³⁰ – в 26 000 000, живущих в 26 000 городов и деревень. Шесть веков спустя арабские географы определяли его в 5 000 000, живущих в 4900 городов или деревень. Могут ли 4000 квадратных лье предоставить возможность существования и прокормить население в 20 000 000, то есть 5000 человек на квадратный лье? Во Фландрии на квадратный лье приходится 2400 человек, значит, эта цифра вдвое больше фландрской. Но следует помнить, что эти квадратные лье покрываются во время паводка водами Нила; что там нет ни пустошей, поросших вереском, ни гор, ни ландов³¹, которые нужно вычестить из общей циф-

ры, что вся земля там пригодная для обработки; что нильский ил устраняет надобность в паровых полях и позволяет снимать три урожая в год; и что, наконец, сама почва более плодородна, а южные народы отличаются большей трезвенностью. Следовательно, население могло достигать 5000 на квадратный лье.

Эфиопы и короли кочевых народов, царствовавшие в Египте, смешали кровь народов центральной Африки и пустынной Аравии с кровью египтян. За 500 лет до рождества Христова персы, а 200 лет спустя – греки принесли в Египет кровь Мидии, Ирака и Греции; еще через 300 лет Египет стал римской провинцией; там поселилось много жителей Италии. К моменту арабского вторжения в VII в. египтяне были католиками.

Прошло немного лет, и большинство коренных жителей стали мусульманами. В настоящее время невозможно отличить мусульман, происходящих от семей, которые поселились в Египте в период арабского вторжения и после него, от потомков древних жителей – христиан, принявших ислам, за исключением, впрочем, знатных родов, имеющих подобно шейхам Аль-Бекри и Сада исторические генеалогии. Копты, остающиеся еще христианами, – коренные жители страны. Их насчитывается 80 000–100 000 душ. Они не воины. Это – деловые люди, сборщики податей, банкиры, писцы. Они имеют своих епископов, церкви и монастыри; они не признают папу.

Мамлюки обосновались в Египте в X в. У них были свои султаны, Саладин Великий являлся мамлюком. Они царствовали в Египте и Сирии до XVI в. Селим, император османов, покончил с их господством и присоединил Сирию и Египет к своей империи. Он оставил 40 000 человек для охраны своих завоеваний и разделил их на семь отрядов ополчения: шесть, состоящих из османов, и один – из мамлюков. С этой целью он собрал все, что пережило поражение последних. Он поручил управление страной паше, 24 беям, корпорации эффенди³² и двум диванам. Из этих 24 беев один был кахья или заместителем паши; трое являлись комендантами крепостей Александрия, Дамьетта и Суэц; они получали приказы непосредственно из Константинополя; пятый был казначеем; шестой – эмир-хаджи³³, на седьмого была возложена доставка дани султану³⁴; четверо командовали войсками в пограничных областях. Остальные 12 беев оставались в распоряжении паши. Большой диван состоял из бея-кахья, казначея, первого эффенди, четырех муфтиев³⁵, четырех великих шейхов и семи представителей семи отрядов ополчения. Ага³⁶ янычар был старшим из генералов. Седьмой отряд – мамлюкский, состоявший из самых красивых и храбрых воинов, сделался и самым многочисленным. Первые шесть отрядов ослабели, вскоре в них осталось только 7000 человек, в то время как одних мамлюков было больше 6000. В 1646 г. произошел полный перево-

рот. Турки были удалены из крепостей, и мамлюки завладели всем. Их начальник принял титул шайх-аль-беледа Каира. Паша впал в ничтожество. В 1767 г. шейх-аль-белед Алибей объявил себя независимым, стал чеканить собственную монету, захватил Мекку, начал войну в Сирии, вступил в союз с русскими. Беями стали тогда и остаются поныне одни мамлюки. В 1798 г. каждый из двадцати четырех беев имел более или менее многочисленную дружину. Наиболее слабые имели по 200 мамлюков. Отряд Мурад-бея достигал 1200. Эти 24 бея составляли сообщество, подчинявшееся наиболее влиятельным из них. Они делили между собой все владения и должности.

Мамлюки рождаются христианами, покупаются в возрасте 7–8 лет в Грузии, в Мингрелии, на Кавказе, доставляются константинопольскими торговцами в Каир и продаются беям. Они – белые и являются красивыми мужчинами. Начиная с самого низшего положения при дворе бея, они постепенно возвышались, становясь мультазимами в деревнях, киашифами или губернаторами провинций и, наконец, беями. В Египте их род не продолжался. Обычно они вступали в брак с черкешенками, гречанками или иностранками. У них не бывало детей или же дети, рождавшиеся от этих браков, умирали, не достигнув зрелости. От браков с коренными жительницами у них рождались дети, доживавшие до старости; однако род их редко продолжался до третьего поколения, что вынуждало их пополнять свои ряды путем покупки детей на

Кавказе. Количество мамлюков – мужчин, женщин и детей – исчислялось в 1798 г. 50 тысячами. Они могли выставить 12 000 всадников.

Оттоманская раса, турки или османы состоит из потомков родов, которые завоевали страну в XVI в. или же обосновались там позднее, прибыв из Турции в качестве эффенди, кади³⁷, эмиров или для занятия должностей в шести отрядах ополчения, либо, наконец, по торговым делам. Эта раса, включая женщин, детей и стариков, насчитывала в 1798 г. 40 000 человек; все они жили в Каире, Александрии, Дамiette и Розетте.

Магрибинцы происходят из Марокко, Туниса, Алжира и Триполи. Это потомки паломников, направлявшихся в Мекку и вступивших по пути туда в брак с негритянками или женщинами из Абиссинии, Сеннара, Барбара или дочерьми сирийцев, греков, армян, евреев, французов. В 1798 г. их насчитывалось 100 000 душ.

IV. Мультазимы – сеньеры и владельцы деревень. Они назначают на все общественные должности, ведают сбором податей, осуществляют полицейские и административные функции. Каждая деревня имеет: 1) шейх-аль-беледа – это староста – и несколько шейхов, служащих ему помощниками; должности эти по существу наследственные, и сын становится преемником отца; 2) шахеба или делегата; он избирается феллахами, это их человек, он ведет кадастр всех закупаемых земель, налагаемых на них податей и взносов, де-

лаемых феллахами в течение года; 3) мешеда – своего рода судьи-кудесника; 4) саррафа – копта, присылаемого управляющим мультазима для пребывания в течение года в общине и руководства составлением списков и взимания платежей; это сборщик; 5) хаули или землемера; это – один из феллахов деревни, который производит обмер ежегодно затопляемых земель; 6) гафиров; это сельские стражники, которые охраняют урожай, водные источники и дамбы, и, завидев бедуинов, дают сигнал тревоги; 7) имама; это священник; 8) брадобрея и столяра, которые оплачиваются общиной и содержатся на ее счет.

Мультазим имеет право продавать, отчуждать и закладывать свою деревню, которая после его смерти переходит к его наследнику – по закону или по завещанию. Последний получает от губернатора фирман инвеституры и уплачивает ему единовременный налог, равный трехлетнему доходу с земли. Феллах является пролетарием или собственником. Если он пролетарий, то живет тем, что зарабатывает за день, занимается каким-нибудь ремеслом или держит лавочку. Он может владеть двумя видами собственности: 1) домом, обстановкой, скотом, деньгами, 2) собственностью типа «атар», то есть неотъемлемым правом на обработку поля. Это право он может отчуждать и закладывать и передает его своему наследнику. Он обрабатывает свое поле, как считает нужным, никому в этом не отчитываясь, коль скоро вносит оброк мультазиму. Если мультазим умирает, не оставив наследника, вся

его собственность переходит к правительству. Если феллах умирает, не оставив наследника, его собственность первого рода отходит к правительству; но его атар, или второй род собственности, переходит к мультазиму, который обязан перепродать его другому феллаху. Имеются земли, обработкой которых занимается сам мультазим, другие он сдает в аренду на один год или несколько лет, третьи он заставляет обрабатывать феллахов в порядке барщины. Такие земли называются «васия»³⁸. Площадь земель «васия» относится к площади земель «атар», как 10:10 000. В Верхнем Египте имеются только земли «атар», а «васия» вовсе отсутствуют.

Феллах выплачивает мультазиму «маль-аль-хур», то есть оброк. Последний обязан вносить подати государю и местным властям. Размер «маль-аль-хура» зависит от характера паводка, культуры, которой было засеяно поле, и числа снятых урожаев. Существует тариф, предусматривающий размер оброка с каждого феддана³⁹ земли при любых из упомянутых условий. Феддан, с которого получают индиго, сахар, лен, рис и т. д., облагается выше, чем засеянный рожью. Тариф «маль-аль-хура» был установлен императором Селимом в XVI в.; но происшедшие с тех пор изменения в монетной системе и произвол мультазимов, более сильных, чем бедные феллахи, привели к его удвоению – либо посредством введения дополнительных сборов, именуемых новыми киашифскими сборами, либо с помощью повышения старинных сборов. Совокупность всех этих сборов составляла «маль-

аль-хур» 1798 г., который превышал старинный более чем вдвое.

Мультазим выплачивает из собранного «маль-аль-хура»: 1) «мири» или подать государю, размер которой не изменялся со времени установления его императором Селимом в 1520 г.; 2) сборы на киашифов; избыток, который называется «фаиз», составляет доход мультазима. Имеется несоответствие между этим доходом и тем, что выплачивает мультазим в форме «мири» и сбора на киашифов. По подсчетам коптов, в обычные годы «маль-аль-хур» дает 30 миллионов франков. Сбор на киашифов составляет 20 %, или одну пятую – 6 миллионов. «Мири» составляет 6 400 000 франков, то есть немного более одной пятой. Следовательно, «фаиз» или доход мультазимов составляет 17 600 000 франков – около трех пятых.

Кроме того, феллах уплачивает местные сборы, размер которых меняется; эти сборы не входят в «маль-аль-хур». Их определяют в шесть миллионов. Таким образом, общая сумма поземельных налогов в Египте составляет 36 миллионов франков, не считая продукцию «васия» и «ризк»⁴⁰ и владений мечетей, госпиталей, священных городов Мекка и Медина, с которых никаких налогов не взимается. «Вакфы» представляют собой владения благотворительных учреждений, также освобожденные от всяких налогов. Они состоят из садов, зданий и ренты с мультазимов, идущей на те же цели. Часть «маль-аль-хура» в провинциях Верхнего Египта

(то есть Саида) – Асьют и Миния и половине провинции Бени-Суэйф вносится рожью и ячменем. Эти провинции сдают в качестве «маль-аль-хура» 1 800 000 ардебов ржи, пшеницы и ячменя, и, значит, площадь обрабатываемых земель составляет в них 900 000 федданов. Всего же в этих провинциях 1 700 000 федданов земли. Это составляет одну треть всего Египта, причем площадь затопляемых земель достигает почти 1700 квадратных лье (из расчета 25 лье на градус).

В 1798 г. персональное обложение давало 2 миллиона франков; сборы с должностных лиц, христиан и таможен – 6 миллионов; мелкие сборы давали в совокупности 2 миллиона; итого – 10 миллионов. Из этих 10 миллионов один заносился на счет государя, в качестве «мири». Таким образом, в целом налоги и сборы с Египта составляли 46 миллионов франков, включая 16 миллионов «фаиза» мультазимов; «мири», шедший государю, равнялся в целом 7 400 000 франков.

Взимание «маль-аль-хура» поручается исключительно коптам. Они действуют в качестве управляющих мультазимов, сборщиков на службе у губернаторов и различного рода саррафов. Они образуют секретное сообщество и делят между собой барыши, которые весьма значительны; 1) они устанавливают размер натуральных сборов с феллахов; 2) они наживаются на местных расходах; 3) пользуясь разницей в монете, они принимают патак⁴¹, достоинством в 90 медин, за 82–83 медины, причем феллах теряет 8–9 %. 4) Наконец,

они получают незаконные доходы, предоставляя льготы феллахам при составлении податных списков и земельных кадастров, а также применяя тариф, установленный для менее выгодных культур. Хорошо осведомленные лица оценивают незаконные доходы коптов от составления кадастров в 8 миллионов франков. Шейх-аль-беледы также получают большие доходы. Зная об этом, мультазимы, до урегулирования счетов, заставляют их вносить ежегодную ренту или взимают с них иные поборы. Незаконные доходы шейх-аль-беледов определяются в 6 миллионов франков. В-третьих, мамлюкские губернаторы провинций и окружные начальники также взимают поборы лошадьми, верблюдами, продуктами, деньгами. Эти поборы оцениваются в 4 миллиона франков. Наконец, арабы требуют уплаты за покровительство или произвольно налагают контрибуции. Это оценивается в 9 миллионов. В конечном счете за все должен платить феллах. Названные четыре больших язвы обременяют земли на сумму в 27 миллионов. Если бы все это шло в казну, доход ее возрос бы до 73 миллионов франков, а за вычетом 17 миллионов «фаиза» составлял бы 56 миллионов. Один миллион в Египте равен 3 миллионам во Франции, поскольку рожь продается по 3 франка за квинтал, дневной труд мужчины оплачивается 8 су, а прокорм лошади обходится в 6 су, стоимость различных продуктов, домашней птицы и т. д. составляет одну пятую цены, по которой они продаются во Франции. 50 миллионов в Египте соответствуют 150 миллионам

во Франции.

При Птолемеях подати давали 168 миллионов. После завоевания Амру в VII в. они давали 144 миллиона. В течение 40 месяцев французского управления стране пришлось выдержать: 1) завоевательную войну 1798 г.; 2) войну и вторжение великого везира в 1800 г.; 3) вторжение англичан в 1801 г. Тем не менее за эти 40 месяцев французская казна извлекла из нее 80 миллионов. Мамлюки облагали Египет со своей стороны, армия великого везира – со своей, английская армия тоже дорого обошлась стране. Арабы полностью использовали этот период кризиса. Доходы Египта в нынешнем его состоянии можно определить в 50 миллионов. Господин Эстев, ведавший финансами, исчислял доходы за 1801 г. 48 миллионами франков, причем страна была охвачена войной, а торговле на Средиземном море препятствовали крейсировавшие в нем вражеские корабли.

V. Египет может уже сейчас (1799) обеспечить содержание армии в 50 000 человек и эскадры в 15 линейных кораблей, частью на Средиземном море, частью на Красном, а также многочисленной флотилии на Ниле и на озерах. Его территория может предоставить все необходимое, кроме леса и железа, которые он будет получать из Албании и Сирии и из Европы в обмен на свои произведения. Его доходы составляют 50–60 миллионов. Но какого процветания смогла бы достигнуть эта прекрасная страна, если бы ей выпало счастье пользоваться в течение десяти лет мира благами фран-

цузского управления? В этот промежуток времени укрепление Александрии было бы завершено; этот город стал бы одной из сильнейших крепостей Европы⁴²; ее население было бы весьма значительным; строительство верфи было бы закончено; через канал Рахмания Нил постоянно вливался бы в старый порт, что обеспечило бы проход самых крупных джerm⁴³; вся торговля Розетты и почти вся торговля Дамьетты сосредоточились бы в этом порту, равно как и военные и военно-морские учреждения. Александрия сама по себе стала бы богатым городом; воды Нила, разлившись вокруг нее, сделали бы плодородными большое количество пригородных земель, и проживание на этих землях явилось бы одновременно приятным, полезным для здоровья и безопасным; открылось бы сообщение между двумя морями⁴⁴; в Суэце были бы созданы верфи; город и порт были бы прикрыты фортификационными сооружениями; оросительные каналы, отходящие от магистрального, и обширные цистерны давали бы воду окрестностям города; в порту Миос-Ормос, который стал бы служить базой красноморской эскадре, были бы построены новые поселения и фортификационные сооружения; озера Мадия, Буруллус и Манзала были бы осушены полностью или в значительной мере, что вернуло бы сельскому хозяйству чрезвычайно ценные земли; растения, дающие колониальные товары, а именно: сахар, хлопок, рис, индиго, покрыли бы весь Верхний Египет, заменив произведения

Сан-Доминго; несколько шлюзов и нагнетательных насосов позволили бы регулировать систему затопления и орошения.

Но чем станет эта прекрасная страна после 50 лет процветания и хорошего управления? Воображению предстает волшебная картина! Тысяча шлюзов обуздает и будет распределять воды паводка по всем частям страны; 8 или 10 миллиардов кубических туазов воды, которые пропадают каждый год в море, распределялись бы между всеми низменными районами пустыни, озером Мерис, озером Мареотис и Безводной рекою, до оазисов и значительно дальше на запад, а в восточном направлении поступали бы в Горькие озера и во все низменные районы Суэцкого перешейка и пустынь между Красным морем и Нилом; большое количество нагнетательных насосов и ветряных мельниц поднимали бы воду в водохранилища, оттуда ее можно было бы брать для орошения; многочисленные эмигранты из внутренней части Африки, Аравии, Сирии, Греции, Франции, Италии, Польши, Германии учетверили бы население; торговля с Индией вернулась бы на свой древний путь благодаря неодолимой силе естественных условий; к тому же, господствуя в Египте, Франция господствовала бы и в Индостане.

Но я уже слышу, как говорят, что столь могущественная колония не замедлила бы провозгласить свою независимость. Это, без сомнения, так. Как во времена Сезостриса и Птолемеев, великая нация заселила бы эти ныне столь пустынные земли; своей правой рукой она опиралась бы на Ин-

дию, а левой – на Европу. Если бы только местные условия определяли благосостояние и величину городов, то Александрия в большей степени, нежели Рим, Константинополь, Париж, Лондон, Амстердам, была бы призвана играть роль столицы мира.

VI. От Каира до Инда так же далеко, как от Байонны до Москвы. Армия в 60 000 человек, посаженных на 50 000 верблюдов и 10 000 лошадей, имея с собой запас продовольствия на 50 дней и воды на 6 дней, достигла бы за 40 дней Евфрата и через 4 месяца оказалась бы на берегу Инда, среди сикхов, маратхов и народов Индостана, с нетерпением ждущих своего часа, чтобы сбросить гнетущее их ярмо!!!

После 50 лет владения Египтом цивилизация распространилась бы во внутренней части Африки через Сеннар, Абиссинию, Дарфур, Феццан; несколько больших наций были бы призваны насладиться благами искусств, наук, религии истинного бога, ибо именно через Египет к народам Центральной Африки должны придти свет и счастье!!!

Глава III

Завоевание Нижнего Египта

I. Переход от Мальты к берегам Египта; высадка в Марабуте; марш на Александрию (1 июля). – II. Штурм Александрии (2 июля); арабы – бедуины; эскадра встает на якорь у Абукира. – III. Марш на Каир; бой у Рахмани (10 июля). – IV. Бой у Шубрахита (13 июля). – V. Марш до Эмбабы. – VI. Битва у пирамид (21 июля). – VII. Переправа через Нил; вступление в Каир (23 июля). – VIII. Бой у Салихии; Ибрагим-бей изгоняется из Египта (11 августа). – IX. Возвращение Наполеона в Каир; он узнает о гибели эскадры (15 августа). – X. Если бы французы вели себя в Египте в 1250 г. так же, как в 1798-м, они бы достигли успеха; если бы в 1798 г. они вели себя, как в 1250 г., они были бы разбиты и изгнаны из страны.

I. После семи дней весьма спокойного плавания эскадра подошла к Кандии. Этот знаменитый Крит чрезвычайно возбуждал французское любопытство. На следующий день фрегат, отправленный в Неаполь, присоединился к адмиралу, принеся весть о том, что Нельсон с тринадцатью 74-пушечными линейными кораблями появился перед этой столицей 20 июня, а оттуда направился к Мальте. Получив эти известия, Наполеон приказал взять курс на мыс Арас, то есть на

30 лье западнее, чтобы подойти к Африке с наветренной стороны Александрии и, таким образом, не показываться перед этим портом, пока не будут получены данные о том, что там происходит. Туда был направлен фрегат, чтобы принять на борт французского консула. Если его прогонят, он должен был взять ложный курс. 29 июня с легкой эскадры был замечен мыс Арас. Одна из шебек остановила каботажное судно, вышедшее 28-го из Александрии. Последнее сообщило, что в этом городе нет ничего нового. 31-го были замечены башня Арабов, Помпеева колонна и город Александрия. Французский консул сообщил, что Нельсон с тринадцатью 74-пушечными линейными кораблями и одним фрегатом появился 28 июня перед Александрией, заявив, что он занят поисками французской армии, а затем отплыл в направлении Караманийского берега⁴⁵; что турки, будучи весьма встревожены, днем и ночью заделывают бреши в стенах; что христианам угрожает нож. Морские офицеры не опасались встретиться в открытом море с эскадрой, настолько уступавшей в силе их собственной, но боялись быть атакованными, когда они будут заняты высадкой сухопутной армии или после этой высадки. Они особенно рассчитывали на храбрость этих ветеранов Итальянской кампании, взявших столько трофеев.

Наполеон приказал высадить десант в тот же вечер. Конвой приблизился к суше на высоте Марабута. Флагманский корабль, столкнувшись с другим, был вынужден встать на якорь в трех лье от берега. Море было бурным, и солдаты

с большим трудом сели в шлюпки и преодолели рифы, которые закрывают вход на рейд Александрии и находятся перед участком взморья, избранным для десантной операции. 19 человек утонули. Адмирал подал руку главнокомандующему, чтобы помочь ему спуститься в его катер, и когда последний стал удаляться, воскликнул: «Счастье покидает меня». Эти слова оказались пророческими!!! Перед высадкой десанта был издан приказ, в котором говорилось: «Солдаты... вы наносите Англии наиболее чувствительный удар, в ожидании того, чтобы нанести ей удар смертельный... вы преуспеете во всех ваших предприятиях... судьба вам благоприятствует... через несколько дней мамлюки, оскорбившие Францию, не будут более существовать... народы, среди которых вы будете жить, имеют символ веры: „Нет бога, кроме бога, и Магомет“⁴⁶ – пророк его!“ Не противоречьте им... Римские легионы любили все религии... Грабежи бесчестят армии и приносят выгоду лишь немногим... Город, который лежит перед вами, город, куда вы вступите завтра, построен Александром!!!»

В 9 часов вечера генерал Мену высадился первым у Марабута. У него был провансальский лоцман, бывавший в этих местах. Главнокомандующий после утомительного и довольно рискованного перехода на катере в час ночи вступил на берег подле гробницы святого Сиди-аль-Палабри. В 3 часа он велел дать сигнал сбора и произвел смотр высадившимся уже войскам. В наличии оказалось 4500 человек из

всех полков. Яркое светила луна. Беловатая сухая почва Африки была освещена как днем. После долгого и опасного плавания люди очутились на взморье древнего Египта, населенного восточными нациями, чуждыми нашим нравам, нашим обычаям и нашей религии; однако под давлением обстоятельств было срочно необходимо с горстью людей, без артиллерии, без кавалерии, штурмовать и взять приступом крепость, защищаемую вооруженным и фанатизированным населением. Сколько опасностей, сколько событий, сколько случайностей, сколько утомительных трудов впереди!.. Дезэ с 600 человек своей дивизии остался для охраны плацдарма и организации войск по мере высадки их на сушу. Маленькая армия двинулась вперед тремя колоннами. Мену, командовавший левой, имел 1800 человек; Клебер, командовавший центральной, – 900; Бон, командовавший правой, – 1200; всего 3900 человек. Главнокомандующий шел пешком; не было еще выгружено ни одной лошади.

Флот, состоявший из почти трехсот судов, среди которых насчитывалось много первоклассных, представлял собой зрелище, не перестававшее волновать жителей Александрии в течение всего вечера 1 июля. Если этот флот намеревался овладеть их городом, то, как они полагали, кораблям следовало направиться на абукирский рейд; в этом случае для высадки армии потребовалось бы столько времени, что они⁴⁷ получили бы передышку в несколько дней. Они удвоили свою энергию, чтобы завершить вооружение. Но в час но-

чи комендант города Кораим узнал от одного араба-бедуина, что неверные овладели фортом Марабут, море покрыто их шлюпками, а взморье почернело от высаженных на нем солдат. Тогда он сел на коня и поскакал туда во главе двадцати мамлюков. На рассвете он столкнулся с ротой французских стрелков из боевого охранения, атаковал ее, отрубил голову командовавшему ею капитану и с триумфом возил ее по улицам Александрии. Это зрелище наэлектризовало население. В 5 часов на флангах армии были замечены первые бедуины, а вскоре после этого их оказалось уже 400 или 500. То были воины племени хенади – наиболее свирепые арабы в этих пустынях. Они были почти голые, черные и худые; их лошади казались клячами; за исключением шлема, каждый из них был дон Кихотом, как его изображают на гравюрах; но их клячи передвигались с быстротой молнии; пущенные в галоп, они могли остановиться с разбега – качество, присущее лошадям в этих местах. Увидев, что армия не имела кавалерии, они осмелели и ринулись в интервалы между колоннами, а также пытались атаковать их с тыла. Был момент, когда всех охватила тревога. Сообщение с местом высадки было прервано. Солдаты остановились, чтобы перестроить ряды. Со своей стороны Дезэ выставил посты и приготовился к бою.

Если бы 500 арабов являлись мамлюками, то в этот первый момент, когда солдаты были поражены, а их возбужденное воображение – открыто для восприятия любых впечат-

лений, они достигли бы больших успехов. Но эти арабы были столь же трусливы, сколь храбры были мамлюки, производшие атаку часом раньше. Французские стрелки построились по четыре в ряд и, не колеблясь, двинулись навстречу этой коннице. Марш армии замедлился; она опасалась засад. После восхода солнца жара стала невыносимой. Северо-западный ветер, столь освежающий в это время года, поднялся только к 9 часам. Арабы взяли дюжину пленных, которые сильно возбудили их любопытство. Они восхищались белизной их кожи, и некоторые из пленных, возвращенные несколько дней спустя, сообщили забавные и вместе ужасные подробности о нравах этих людей пустыни.

II. В 6 часов Наполеон заметил Помпееву колонну, а вскоре затем зубчатую стену ограды Арабов; затем одни за другими стали видны минареты города и мачты турецкой каравеллы, стоявшей на якоре в порту. В 8 часов, находясь на расстоянии пушечного выстрела от города, он поднялся на пьедестал Помпеевой колонны, чтобы осмотреть крепость. Стены были высокие и очень толстые; чтобы пробить их, понадобились бы 24-фунтовые пушки; однако в них имелось много наспех заделанных брешей. Эти стены были покрыты людьми, видимо, охваченными сильным волнением. Это были кавалеристы, пехотинцы, вооруженные ружьями и копьями, женщины, дети, старики и т. д. Наполеон отдал приказы. Мену штурмовал ограду справа, близ треугольного форта, Клебер – в центре; Бон направился на абукирскую доро-

гу, чтобы проникнуть в город через Розеттские ворота. Началась перестрелка. Хотя орудия осажденных стреляли плохо, они произвели некоторое впечатление на осаждающих, у которых пушек не было вовсе. Французские стрелки с присущей им сметкой залегли в песчаных дюнах. Все три атаки удались; стена была преодолена. Генералы Клебер и Мену были ранены, идя на штурм во главе своих гренадеров. Дивизия Бона не встретила таких препятствий и хотя была наиболее удаленной, первая взобралась на вторую стену, ограждающую полуостров, где расположен современный город. Бон штурмом овладел ею. Стрелки проникли на улицы. В стенах домов имелись бойницы. Возникла сильная перестрелка. Главнокомандующий направился на высоту форта Каффарелли. Он послал явившегося к нему капитана турецкой каравеллы с предложением сдаться. Этот офицер сумел дать понять шейхам, улемам и знатным лицам, что городу грозит полное уничтожение. Они подчинились.

Наполеон въехал в город, окруженный ими, и остановился в доме консула Франции; это было в полдень. На углу одной из улиц пуля, выпущенная из окна дома, задела его левый сапог. Егеря его охраны поднялись на крышу, вошли в дом и нашли в забаррикадированной комнате одного турка с шестью ружьями. Его убили на месте. Французы потеряли убитыми и ранеными 300 человек; потери турок составили 700–800 человек. Комендант Кораим вместе с наиболее отважными из своих людей перебрался на остров Фарос. Его там бло-

кировали. Всю ночь длились переговоры, которые привели к благоприятному исходу. Кораим капитулировал, присоединился к французскому главнокомандующему, объявил себя его рабом, принес присягу. Ему были поручены полицейские функции в городе, ибо анархия есть самый большой враг, которого следует страшиться завоевателю, особенно в стране со столь отличным языком, нравами и религией. Кораим восстановил порядок, провел разоружение населения, предоставил армии все, в чем она нуждалась. К Наполеону привязалось и сохранило ему верность также и другое важное лицо, пользовавшееся большой популярностью: шейх Аль-Месри, улем, шериф⁴⁸ и глава церкви в городе, весьма почитаемый за ученость и святость. Более просвещенный, нежели его соотечественники, он имел представление о правосудии и хорошем управлении, которое представляло собой контраст во всем, что его окружало. Кораим пользовался влиянием благодаря своей отваге, храбрости его главных рабов и большому богатству; шейх Аль-Месри – благодаря своим добродетелям, благочестию и справедливости, которая руководила всеми его действиями.

2-го вечером конвой, имея впереди два 64-пушечных линейных корабля и фрегаты, служившие охраной, вошел в старый порт; артиллерия, инженерные войска, административные учреждения выбрали для себя места расположения и склады; их личный состав работал всю ночь, выгружая лошадей, обоз и материальную часть. Генерал Дезэ в тот же ве-

чер выступил из города и занял позицию в полутора лье, на дороге в Даманхур, примкнув своим левым флангом к озеру Мадия.

Бертье приказал расклеить по городу и раздать жителям большое количество прокламаций на французском, арабском и турецком языках, содержание которых в основном сводилось к следующему: «Кадии, шейхи, улемы, имамы, чорбаджи⁴⁹, народ Египта!! Довольно беи оскорбляли Францию; час возмездия наступил... Бог, от которого зависит все, сказал: царству мамлюков пришел конец... Вам скажут, что я пришел погубить религию ислама... отвечайте, что я люблю пророка и коран, что я пришел восстановить ваши права... Во все века мы были друзьями великого султана... Трижды счастливы те, кто выскажется за нас! Счастливы те, кто останутся нейтральными, у них будет время, чтобы узнать нас. Горе безумцам, которые поднимут на нас оружие, они погибнут!! Деревни, которые захотят отдаться под наше покровительство, поднимут на минарете главной мечети флаг султана, а также армии... С деревнями, жители которых совершат враждебные действия, будет поступлено по закону военного времени; если такие случаи будут иметь место, их сожгут. Шейх-аль-беледы, имамы, муэдзины утверждаются на занимаемых должностях».

Главнокомандующий написал паше письмо, которое было доставлено ему в Каир офицером с турецкой каравеллы. В письме говорилось: «Французское правительство несколько

раз обращалось к Высокой Порте, требуя наказания беев и прекращения оскорблений, которым подвергалась наша нация в Египте; Высокая Порта заявила, что мамлюки – люди жадные и капризные... и что она лишает их имперского покровительства... Французская республика посылает сильную армию, чтобы положить конец разбоям, подобно тому, как она это делала несколько раз в отношении Алжира и Триполи... Итак, выйди мне навстречу».

700 турецких рабов, освобожденных на Мальте, были отправлены по суше на родину. Среди них были уроженцы Триполи, Алжира, Туниса, Марокко, Дамаска, Сирии, Смирны и самого Константинополя. Их хорошо кормили, хорошо одевали, с ними обращались уважительно. Им были выданы денежные суммы, достаточные для покрытия дорожных расходов. Сердца их были наполнены благодарностью. Они распространили по всей Турецкой империи весть о победе французов, свое мнение об их могуществе и добрых намерениях в отношении мусульман; они не уставали славить великодушие Наполеона; им едва хватало запаса слов, чтобы выразить переполнявшие их чувства. Они произвели самое приятное впечатление на всем Востоке.

Армия нуждалась в лошадях для своей кавалерии, верблюдах для перевозки материальной части и продовольствия. Ресурсы, которые могла предоставить Александрия, были незначительны. Одни только арабы Бехейры могли удовлетворить все нужды. С другой стороны, важно было завое-

вать их симпатии, чтобы предохранить коммуникации и тылы армии. Кораим направил им на дромадерах свободные пропуска. Он был их покровителем, и они поспешили явиться на его зов. 4 июля 30 шейхов племен хенади, ауладали и бениаунус прибыли в главную квартиру. Вид этих людей пустыни возбудил любопытство солдат, а все, что они видели во французской армии, – возбуждало большое любопытство в них самих. Они прикасались ко всему. Они подписали договор, по которому обязались держать открытой дорогу из Александрии в Даманхур даже для отдельных лиц; представить в 48 часов 300 лошадей по цене в 240 ливров и 500 дромадеров по цене в 120 ливров; сдать в наем 1000 верблюдов с погонщиками; вернуть всех взятых ими пленных. Они ели и пили вместе с главнокомандующим. В качестве задатка и в подарок им была выдана тысяча луидоров. Армия поздравляла себя с этим счастливым событием, которое казалось и счастливым предзнаменованием. Назавтра они вернули 12 солдат, взятых ими в плен, представили 80 лошадей и сотню верблюдов. Остальных они обещали сдать в ближайшие дни.

Между тем эскадра все еще не входила в порт, оставаясь в открытом море. Турецкие лоцманы отказались провести в порт 74-пушечные линейные корабли и тем более 80-пушечные. Капитану Баррэ было поручено проверить фарватеры и произвести промер глубин. Однако поскольку корабли эскадры были загромождены большим количеством артиллерии и прочего армейского имущества, адмирал поже-

лал стать на якорь на абукирском рейде, чтобы освободиться от него и облегчить корабли. Он указывал на то, что под парусами на это потребуется неделя, а на якорной стоянке он сделает все за 3 дня. Между тем 13 июля капитан Баррэ представил свой рапорт. Он заявил, что эскадра может входить без всяких опасений. Наполеон немедленно послал адмиралу соответствующий приказ. Но рапорт капитана Баррэ подвергся критике. Адмирал собрал своих контр-адмиралов и капитанов 1 ранга. Этот военно-морской совет решил, что необходима проверка. Между тем главнокомандующий покинул Александрию и направился в Каир. Отбывая, он послал адмиралу повторный приказ войти в порт Александрии; если же это будет признано невозможным, он должен идти на Корфу и получить там приказ французского посланника в Константинополе; если же такого приказа не оказалось бы, ему надлежало идти в Тулон и взять там под свою охрану готовившийся к выходу в море конвой, на котором находилось 6000 человек, отставших от своих полков по причине болезни или отпуска, в связи с быстротой и секретностью движения войск к Тулону.

Генерал Клебер, нуждавшийся в отдыхе для лечения своей раны, был оставлен в Александрии в качестве коменданта города и провинции, с гарнизоном в 8000–9000 человек⁵⁰. Полковник Кретэн, один из лучших офицеров инженерных войск, получил инструкцию относительно фортификационных сооружений крепости. Имелось много препятствий; он

преодолеl их все и за несколько месяцев соорудил форты на трех господствующих высотах; в этой работе он применил все секреты своего искусства. Марабут, Фарос и подступы к портам были защищены батареями 36-фунтовых пушек и дальнoбойных мортир. С тех пор всякий раз, как англичане пытались к ним приблизиться, им приходилось в этом раскаиваться.

III. Армия двинулась на Каир. Она состояла из шести дивизий под командой генералов Дезэ, Ренье, Бона, Дюгуа и Виалю; резерва в 2600 человек под командой генерала Мюрата и двух бригад спешенной кавалерии численностью в 1500 человек каждая, под командой бригадных генералов Зайончека и Андреосси. Пешая и конная артиллерия состояла из 42 пушек, 4 кузниц, 6 запасных лафетов, 50 зарядных ящиков, запряженных 500 лошадей или мулов; остальные боеприпасы были навьючены на мулов. Общая численность составляла 21 000 человек всех родов войск.

Контр-адмирал Перрэ, отважный моряк из порта Сэн-Валери-сюр-Сомм, взял на себя командование Нильской флотилией, состоявшей из двух полугалер, трех полушебек, четырех посыльных судов и шести вооруженных джерм, то есть из пятнадцати судов с командами из французских моряков общей численностью 600 человек. Нельзя было терять времени, чтобы вступить в столицу, воспользовавшись первым моментом растерянности и не дав противнику вооружить и укрепить этот большой город. 5 июля генерал Дюгуа двинул-

ся на Розетту со своей дивизией и обеими бригадами спешенной кавалерии. Контр-адмирал Перрэ с флотилией отправился к озеру Мадия, чтобы переправить через него войска. 6-го генерал Дюгуа, следуя берегом моря, достиг устья Нила и овладел фортом Жюльен в то самое время, как контр-адмирал Перрэ прошел богаз⁵¹ и бросил якорь перед Розеттой. Генерал Мену принял на себя командование в этой провинции. Его рана требовала отдыха. В качестве гарнизона ему был оставлен батальон пехоты, артиллерийская батарея без упряжек, пятьсот спешенных кавалеристов с седлами, которых он должен был обеспечить лошадьми, и, наконец, два вооруженных судна. Контр-адмирал Перрэ собрал баржи, необходимые для погрузки бригад спешенной кавалерии, их седел и обоза, продовольствия и боеприпасов. Он взял этот конвой под свою охрану. 9-го он отплыл из Розетты и поднялся вверх по Нилу. Генерал Дюгуа со своей дивизией следовал за ним, поднимаясь по левому берегу.

Четыре остальные дивизии и резерв двинулись на Даманхур. Дезэ выступил 4-го и прибыл туда 6-го, Ренье выступил 5-го, Бон – 6-го, Виаль – 7-го на рассвете. Главнокомандующий с резервом выступил того же числа, в 5 часов пополудни. От Александрии до Дамияты – 15 лье; это равнина, обычно удобряемая нильским паводком, но в силу ряда обстоятельств в 1797 г. этого не произошло. Было то время года, когда уровень Нила – самый низкий. Все колодцы высохли и, начиная с Александрии, армия нигде не могла найти

воды до самого колодца Беда. Она не была подготовлена к маршу по такой местности. Она сильно страдала от жаркого солнца, отсутствия тени и воды. Она невзлюбила эти обширные пустыни и особенно арабов – бедуинов.

Последние в тот момент, когда они отправлялись в путь, чтобы сдать лошадей и верблюдов, в соответствии с александрийским договором, получили фетфу⁵² улемов и шейхов Каира, приказывавшую им взяться за оружие для защиты религии пророка, которой угрожают неверные. Это изменило их прежде добрые намерения. Они заявили Кораиму, что поскольку их религия поставлена под угрозу, они считают договор аннулированным. Пять их племен, располагавшие 1800 лошадьми, открыли 7-го военные действия; эти арабы все время находились на флангах, в тылу и перед фронтом армии. Они с величайшей ловкостью укрывались в малейших складках местности и молниеносно набрасывались на всех солдат, вышедших из строя. Кавалерия армии была немногочисленной, лошади переутомлены и к тому же гораздо худшего качества, чем арабские. Французские колонны, окруженные бедуинами, напоминали эскадры, за которыми следуют акулы; или, как говорили солдаты, «объездные команды были тут за полицию». Эта полиция была суровой, но она способствовала поддержанию порядка. Солдат к ней привык. Он избавился от привычки тащиться и выходить из строя. Он больше не шел вперед без охранения с флангов. Обоз двигался в порядке посреди колонн. Лагерь

разбивались самым тщательным образом, причем не забывалось ни одно правило станорасположения. «Франки»⁵³, у которых солдаты навели справки в Александрии, охотно рисовали им самые соблазнительные картины: в Даманхуре они найдут всю роскошь Востока, жизненные удобства, богатую торговлю большого города, столицы обширной провинции; там все по-другому, чем в Александрии.

Наполеон двигался всю ночь. Он прошел бивуаки нескольких дивизий. В три часа ночи, когда луна зашла и мрак чрезвычайно сгустился, сторожевые огни дивизии Бона погасли; егеря охраны наткнулись на биваки. Один часовой выстрелил... Крик «К оружию!» поставил на ноги всю дивизию. Солдаты открыли огонь двумя шеренгами, который продолжался довольно долго; наконец, они признали друг друга. Армия была охвачена своего рода ужасом, воображение солдат было распалено, все было внове и все им не нравилось.

В 8 часов утра, после шестнадцатичасового марша, Наполеон увидел, наконец, Даманхур. Город был окружен пальмовым лесом. Мечетей было, как видно, много, в небе вырисовывались изящные силуэты их минаретов. На нескольких соседних холмах виднелись могилы святых. Город показал себя с наилучшей стороны; это была Модена, Кремона или Феррара. Но тут был допущен просчет. Дезэ направился навстречу главнокомандующему и повел его в своего рода ригу, без окон и дверей. Там собрались шейх-аль-беледы,

шахебы, саррафы, имамы, главные шейхи, которые угостили его чашкой молока и галетами, испеченными в золе. Какое пиршество для штаба Итальянской армии! Не так встречали его в Милане, в Брешии, в Вероне, в ученой Болонье; пришлось, однако, только посмеяться над этим. «Франки», следовавшие за армией, и особенно Магаллон⁵⁴ сделались объектами насмешек солдат. Эти бедные люди знали из всего Египта только Каир, Розетту и Александрию. Спускаясь по Нилу на джермах, под беспокойными взглядами турок, они не входили ни в одну деревню и составили себе представление о стране на основании живописных зрелищ, которые можно было видеть с вершук мачт.

Главная квартира расположилась на искусственном лугу, у опушки очень красивого леса акаций. Вода была хорошей и имелась в изобилии. Биваки находились в тени, не было недостатка в соломе, овощах, мясе. Оставались еще морские сухари. Как люди, так и лошади нуждались в отдыхе. Этот отдых был им дан 9-го. Бригадный генерал Мюирер, направившийся с одного бивака на другой, невзирая на предупреждение передовых постов, был настигнут четырьмя арабами в небольшой долине, в ста шагах от этих постов, и пронзен ударами копий. Это был выдающийся офицер, в армии о нем сожалели. 10-го перед рассветом армия снова была на марше. В 9 часов утра, у Рахмании, она достигла Нила и радостными криками приветствовала эту чудесную реку. Генералы и солдаты, не раздеваясь, бросились в нее, чтобы освежить-

ся. Рахмания – поселок, не такой большой, как Даманхур, но окруженный более плодородной местностью и богаче первого.

Между тем 5 июля в Каир пришла весть, что армия неверных произвела высадку, штурмовала и взяла Александрию, что армия эта имеет весьма многочисленную пехоту, но лишена кавалерии. Бей и их киашифы испускали крики радости. В Каире устроили иллюминацию. «Это арбузы, которые надо разрезать», – говорили они. Не было мамлюка, который не обещал себе срезать сотню голов; эта армия, будь в ней хоть сто тысяч человек, будет уничтожена, потому что ей придется идти через равнины, окаймляющие Нил! Несчастные, с такими-то иллюзиями готовились они выступить навстречу французской армии!!! 5-го вечером один бей выступил с 600 мамлюками в направлении на Даманхур, чтобы собрать арабов Бехейры и замедлить продвижение армии. Он достиг Даманхура 10-го, в тот момент, когда дивизия Дезэ, составлявшая арьергард, снималась с биваков. Войска Дезэ двигались всей дивизией, сомкнутой колонной, с артиллерией в голове и в хвосте колонны и обозом в центре, между двумя бригадами. При виде врага он приказал построиться, приняв дистанцию между взводами, и продолжал марш, вступая в стычки с этой прекрасной кавалерией, которая, наконец, решилась атаковать его. Дезэ тотчас же скомандовал: «Повзводно, направо и налево, огонь двумя шеренгами!» Трудно описать удивление и растерянность мамлюков,

когда они увидели стойкость этой пехоты и ужасающий огонь ружейный и картечью, который с такого большого расстояния повсюду нес им смерть. Несколько храбрецов погибли на штыках. Большая часть отряда удалилась за пределы досягаемости артиллерийского огня. Тогда Дезэ снова перестроил свою дивизию – из каре в походный порядок, потеряв в этом бою только четырех человек. Когда Мурад-бей узнал об этом странном случае, которого не мог объяснить, он разгневался на бея и киашифов, которые дали себя запугать количеством, словно мамлюки могли вообще считаться с пешеходами на равнине.

10-го, 11-го и 12-го армия провела в Рахмании. Флотилия и дивизия Дюгуа присоединились к ней 12-го утром. Флотилия была нужна, чтобы обеспечить маневр на обоих берегах, а также для борьбы с многочисленной и хорошо вооруженной флотилией мамлюков. Количество бедуинов возрастало с каждым днем. Французы оказались как бы блокированными в лагере Рахмания. Посты бедуинов находились на расстоянии ружейного выстрела от боевого охранения. Они заметили, что французские лошади ничего не стоят, что преисполнило их презрением к нашей кавалерии.

В этот момент расположение армии было таково: Клебер находился в Александрии с конвоем и эскадрой, которую полагали вошедший в порт; его гарнизон занимал Абукирский замок; у него был один полк пехоты – 69-й, тысяча канониров, саперов и рабочих, 2000 человек из запасных пехот-

ных частей и спешенной кавалерии; всего 6500 человек линейных войск и 3500 человек, составлявших команды транспортных судов и организованных как национальная гвардия, что доводило численность гарнизона, независимо от эскадры, до 9–10 тысяч человек. Мену находился в Розетте с 1200 человек и тремя посыльными судами. Лагерь в Рахмании насчитывал 20 000 человек. Саперы укрепили мечеть, расположенную на высоте Даманхур; там находились 300 человек и две пушки, которые были найдены гарнизоном Александрии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.